

М. А.
БАКУНИН

Избранное

Михаил Александрович Бакунин

Организация Интернационала

«Великая задача, взятая на себя Международным Обществом Рабочих, задача окончательного и полного освобождения рабочих и народного труда из-под ига всех его эксплуататоров – хозяев, владельцев сырого материала и орудий производства, словом, всех *представителей* капитала – не есть чисто экономическое дело; она в то же время и в такой же степени дело философское, социальное и нравственное; она является также и делом политическим, но только в смысле уничтожения всякой политики, посредством разрушения Государства...»

**Михаил Александрович
Бакунин
Организация
Интернационала**

Великая задача, взятая на себя Международным Обществом Рабочих, задача окончательного и полного освобождения рабочих и народного труда из под ига всех его эксплуататоров – хозяев, владельцев сырого материала и орудий производства, словом всех *представителей* капитала – не есть чисто экономическое дело; она в то же время и в такой же степени дело философское, социальное и нравственное; она является также и делом политическим, но только в смысле уничтожения всякой политики, посредством разрушения Государства.

Мы не думаем, чтобы понадобилось доказывать, что при современной политической, юридической, религиозной и социальной организации наиболее цивилизованных стран, экономическое освобождение рабочих невозможно и что, следовательно, для достижения и полного его осуществления, необходимо разрушить все современные учреждения: Государство, Церковь, Юридический Форум, Университет, Армию и Полицию, которые ни что иное, как крепости, воздвигнутые привилегированными против пролетариата, и

недостаточно их свергнуть в какой-нибудь одной стране; их надо разрушить во всех странах, ибо со времени основания современных государств, в XVII и XVIII веках, между всеми этими учреждениями и всеми странами существует постоянно возрастающая международная солидарность и могучие международные союзы.

Стало быть, задача, взятая на себя Международным Обществом Рабочих, есть полная ликвидация существующего политического, юридического, религиозного и социального мира и замена его новой экономической, философской и социальной формой. Такое гигантское предприятие никогда бы не могло осуществиться, если бы в распоряжении Интернационала не было двух одинаково могучих, друг друга пополняющих рычагов: один, это постоянно возрастающая сила потребностей, страданий и экономических требований масс; другой – новая социальная философия, философия реалистическая и народная, теоретически покоящаяся только на действительной науке, т. е. одновременно экспериментальной и рациональной, и не имеющая дру-

гих основ, кроме человеческих принципов – выражение исконных потребностей масс – принципов равенства, свободы и всемирной солидарности.

Побуждаемый этими потребностями, во имя этих принципов народ должен победить. Ему не чужды эти принципы, они даже не новы для него в том смысле, что, как мы только что сказали, он во все времена инстинктивно носил их в своем сердце. Он всегда желал своего освобождения от всех видов лежащего на нем гнета; и так как он, рабочий, кормилец общества, создатель цивилизации и всех богатств – последний раб, раб из рабов, так как он не может освободиться, не освободив вместе с собой всего мира, он всегда стремился к освобождению всех, т. е. к всемирной свободе. Он всегда страстно мечтал о равенстве, необходимом условии свободы; и, несчастный, вечно побежденный в одиночку, он всегда искал свое спасение в солидарности. Взаимное счастье до сих пор не было известно, или, во всяком случае, мало известно; быть счастливым означает быть эгоистом, жить чужим трудом, эксплуатирова и поработав другого, а

потому – только одни несчастные и, стало быть, народные массы, знали и практиковали братство.

Итак, социальная наука, как нравственная доктрина, только развивает и формулирует народные инстинкты. Но между этими инстинктами и этой наукой, однако, существует пропасть, которую надлежит заполнить. Если бы одних внутренних инстинктов было достаточно для освобождения народа, то он давно бы уж освободился. Эти инстинкты не мешали массам, в течение всей их печальной и трагической истории, быть постоянной жертвой разных религиозных, политических, экономических и социальных абсурдов.

Правда, тяжелые испытания, через которые пришлось пройти массам, не были для них совершенно потерянными. Эти испытания оставили в народе нечто в роде исторического сознания, создали как бы практическую, основанную на преданиях науку, которая очень часто заменяет ему науку теоретическую. Так, напр., можно быть теперь уверенным, что ни один западно-европейский народ не позволит больше себя увлечь ни ка-

кому-нибудь религиозному шарлатану, ни новому Мессии, ни какому-нибудь политическому пройдохе. Можно также с уверенностью сказать, что потребность экономической и социальной революции сильно чувствуется народными массами Европы; если бы народный инстинкт не проявил себя так ярко, глубоко и решительно в этом направлении, то никакие социалисты в мире, будь то даже величайшие гении, не были бы в состоянии поднять массы.

Народ готов, он слишком много страдает, а, главное, начинает понимать, что он вовсе не обязан страдать; ему надоело вечно обращать свои взоры к небу и он не обнаруживает больше намерения терпеть. Даже помимо всякой пропаганды масса делается социалистичной; глубокое сочувствие, какое встретила Парижская Коммуна со стороны пролетариата всех стран, служит доказательством. Но массы – сила, или по крайней мере, существенный элемент всякой силы. Что же им мешает свергнуть ненавистный им общественный порядок? Им не достает двух вещей: организации и науки, которые обе со-

ставляют и всегда составляли силу правительств.

Итак, прежде всего, организация, которая, впрочем, невозможна без помощи науки. Благодаря военной организации, батальон в тысячу вооруженных человек может нагнать страх, и на самом деле нагоняет, на миллионную толпу народа, тоже вооруженного, но дезорганизованного. Благодаря бюрократической организации, государство посредством нескольких сотен тысяч чиновников, держит в подчинении громадные страны. Следовательно, чтобы создать народную силу, способную раздавить военную и гражданскую силу государства, надо организовать пролетариат, что и делает Международное Общество Рабочих. В тот день, когда оно будет обнимать половину, треть, четверть или даже только десятую часть европейского пролетариата, государство, или, вернее, государства перестанут существовать. Организация Интернационала, имеющая целью не создание новых государств, а коренное разрушение всякого господства, должна существенно разниться от государственной организации. Насколько по-

следняя искусственна, насильственна, основана на принципе власти, чужда и враждебна естественному развитию народных интересов и инстинктов, настолько организация Интернационала должна быть свободной, естественной, соответствовать во всех отношениях этим интересам и этим инстинктам.

Но что это за естественная организация масс?

Организация, вытекающая из их повседневной жизни, основанная на различных видах труда; иными словами – организация по ремеслам. С того момента, когда все виды промышленности будут представлены Интернационалом, включая сюда и разные виды земледельческого труда, организация народных масс будет закончена.

Нам могут возразить, что эта организация влияния Интернационала на народные массы будет иметь своим последствием замену прежнего начальства новым правительством. Но это будет глубоким заблуждением. Организация Интернационала всегда будет отличаться от организации всех правительств и всех государств; его основная чер-

та состоит в том, что он действует на массы только путём убеждения, вне всякого принуждения. Между могуществом государства и Интернационала такая же разница, какая существует между официальной государственной деятельностью и простой деятельностью функционированием какого-нибудь клуба. Интернационал не имеет и никогда не будет иметь другой силы, кроме великой силы убеждения, и всегда останется организацией естественного воздействия (воздействия путем убеждения) личностей на массы. Государство же и все государственные учреждения: церковь, университет, юридический форум, бюрократия, финансовая система, полиция и армия, не забывая, по возможности, развращать мнения и волю подданных, требует от них пассивного повиновения, совершенно не считаясь, и чаще всего вопреки этим самым мнениям и воле; конечно, все это в мере, всегда очень растяжимой, допущенной и принятой законами.

Государство, ища только подчинения масс – иначе, впрочем, не может и быть – призывает их к повиновению. Интернацио-

нал, желая только освобождения масс, призывает их к *возмущению*. Но, чтобы сделать это возмущение могучим и способным свергнуть господство государства и привилегированных классов, представителем которых оно единственно и является, Интернационал должен организовать. Для этой цели он употребляет только два средства, которые, хотя далеко не всегда легальны – легальность, во всех странах, чаще всего есть лишь юридическое освящение привилегии, т. е. несправедливости – с точки зрения человеческого права, оба одинаково законны. Эти два средства, как мы уже сказали – пропаганда идей и организация естественного воздействия членов Интернационала на массы. Тому, кто стал бы утверждать, что и такого рода деятельность Интернационала есть покушение на свободу масс, мы ответим, что он или софист, или глуп. Тем хуже для тех, которые до такой степени не знают естественного и социального закона человеческой солидарности, что считают абсолютную взаимную независимость друг от друга личностей и масс возможной и даже желательной.

Желать ее, значит желать исчезновения общества, ибо вся общественная жизнь есть ни что иное, как непрерывная взаимная зависимость индивидов и масс, каждый человек, даже самый умный, самый сильный, и в особенности умные и сильные, во всякий момент своей жизни является одновременно производителем и продуктом. Сама свобода каждого человека есть следствие, постоянно возобновляющееся, массы влияний, физических, умственных и нравственных, которым он подвергается со стороны окружающих его лиц и среды, в которой он рождается, живет и умирает. Желать избежать этого влияния во имя какой то трансцендентальной, божеской свободы, самодовлеющей и абсолютно эгоистичной, значит стремиться к небытию; отказываться от влияния на другого, значит, отказываться от всякого социального акта, даже от выражения своих мыслей и чувств, — т. е. опять таки клониться к небытию. Эта пресловутая независимость, так превозносимая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понимаемая в таком смысле, — просто небытие.

Как природа, так и человеческое общество, которое есть ни что иное, как та же природа, все, что живет – живет только под непременным условием самого решительного вмешательства в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы смертью. Требуя свободы масс, мы вовсе не собираемся уничтожать естественные влияния, которым они подвергаются со стороны отдельных лиц и групп. Все, чего мы хотим, это уничтожения искусственных узаконенных влияний, уничтожения привилегий влияния.

Если бы церковь и государство могли быть частными учреждениями, мы бы и тогда, без сомнения, были их противниками: но мы боремся против них, потому что хотя они и частные учреждения, в том смысле, что они служат только частным интересам привилегированных классов, они тем не менее пользуются коллективной силой организованных с этой целью масс, чтобы насильственно навянуть им свою власть.

Если бы Интернационал мог сделаться государством, то из теперешних его убежденных и страстных приверженцев мы превра-

тились бы в его отчаянных врагов. Но в том то и дело, что Интернационал не может вылиться в государственную форму; не может уже по одному тому, что, как указывает его название, он уничтожает все границы; государство же без границ немыслимо! Невозможность существования всемирного государства, о котором мечтали воинственные народы и величайшие деспоты мира, доказана исторически. При слове «государство» нужно всегда подразумевать несколько государств, — угнетателей и эксплуататоров внутри своих владений, и более или менее враждующих завоевателей по ту сторону границы. Государство заключает в себе отрицание человечества. Всемирное государство, или народное государство, как говорят немецкие коммунисты, может, следовательно, означать только одно: уничтожение государства. Международное Общество Рабочих не имело бы никакого смысла, еслибы оно не стремилось к уничтожению государства. Оно организует народные массы только в виду этого разрушения.

Но как же оно их организует? Оно органи-

зует их не сверху вниз, навязывая общественному разнообразию – продукту разнообразного народного труда, искусственное единство и порядок, как это делает государство; а снизу вверх, беря за исходную точку социальное положение масс и их стремления и побуждая и помогая им группироваться, сообразно этому разнообразию занятий и положения.

* * *

Но чтобы Интернационал, организованный таким образом снизу вверх, сделался действительной, серьезной силой, необходимо, чтобы каждый член его секций значительно сильнее проникся его принципами, чем это есть теперь. Только при этом условии он действительно сумеет выполнить миссию пропагандиста и апостола во времена затишья и роль истинного революционера во время борьбы.

Говоря о принципах Интернационала, мы имеем в виду принципы, которые содержатся в общей части наших статуты, принятых на Женевском съезде. Они так немногочисленны, что мы просим позволения читателя привести их здесь:

1. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих;

2. Старание рабочих завоевать свое освобождение не должно вести к созданию новых привилегий, а к установлению для всех (людей, живущих на земле) равных прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

3. Экономическое подчинение рабочего владельцу сырого материала и орудий труда, есть источник всех видов рабства, нравственного, умственного и политического;

4. Поэтому, экономическое освобождение рабочих – великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение, как простое средство;

5. Освобождение рабочих не является чисто местной или национальной задачей; это – задача всех цивилизованных стран, так как ее решение неизбежно зависит от их теоретической и практической помощи;

6. Интернационал и все его члены признают, что истина, справедливость и нравственность должны лежать в основе его отношений ко всем людям без различия цвета кожи,

верований и национальностей;

7. Наконец, он считает долгом требовать человеческих и гражданских прав не только для члена Интернационала, но и для каждого исполняющего свои обязанности. – Нет обязанностей без прав и нет прав без обязанностей!

* * *

Мы знаем теперь, что содержит в себе эта столь простая и справедливая программа, так скромно выражающая наиболее законные, наиболее человеческие требования пролетариата. В ней заключаются – потому именно, что она есть исключительно программа человеческая – все зародыши великой социальной революции: свержение всего, что есть создание нового мира.

Вот, что должно теперь быть объяснено и стать вполне ясным каждому члену Интернационала.

Эта программа приносит с собой новую науку, новую социальную философию; которая должна заместить собой все прежние религии, и новую политику, политику интернациональную, которая, поспешим заметить, как

таковая, должна иметь целью разрушение всех государств. Чтобы члены интернационала могли добросовестно исполнять двойную обязанность пропагандиста и революционера, нужно, чтобы каждый из них сам, насколько возможно, проникся этой наукой, этой философией, этой политикой. Недостаточно знать и говорить, что они хотят экономического освобождения рабочего, полного пользования для каждого продуктом его труда, уничтожения классов и политического порабощения, осуществления полноты человеческих прав и полного равенства прав и обязанностей, одним словом осуществления братства между людьми. Все это, без сомнения, очень хорошо и вполне справедливо, но если члены Интернационала принимают эти великие истины, не вникая в их суть, не задумываясь глубиной их значения и если они будут довольствоваться вечным повторением их в этой общей форме, последние рискуют в непродолжительный промежуток времени превратиться в пустые, бесплодные слова, в общие непонятые места.

Но, говорят нам, все рабочие, даже когда

они члены Интернационала, не могут стать учеными. И не достаточно ли иметь внутри Интернационала группу людей, владеющих в совершенстве, насколько это возможно в наши дни, наукой, философией и политикой социализма, чтобы большинство, массы, примыкающие к Интернационалу, доверчиво повинувшись их правлению и «братскому наставлению» (стиль Гамбетты, якобинца-диктатора по превосходству), не могли свергнуть с пути, который должен вести к окончательному освобождению пролетариата? – Вот рассуждение, которое мы довольно часто слышим, развиваемое втихомолку – для высказывания вслух нет ни достаточно искренности, ни смелости. Это мнение, за начальство в Интернационале, сопровождается всевозможными более или менее ловкими подходами и демагогическими комплиментами по адресу великой мудрости и всемогущества верховного народа. Мы всегда страстно боролись против него, потому что мы убеждены, что если Международное Общество Рабочих будет разделено на две группы: одну, заключающую в себе громадное большинство и состоящую из членов,

вся наука которых будет состоять только в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость своих вождей; и другую, состоящую только из нескольких десятков правителей, – это учреждение, которое должно освободить человечество, превратится само в некоторого рода олигархическое государство – худшее из всех государств. Это прозорливое, ученое и искусное меньшинство, которое примет на себя всю ответственность и права правительства, тем более самодержавного, что его деспотизм заботливо прячется под внешней оболочкой учтивого уважения к воле и решениям, всегда им самим продиктованным, этой якобы народной воли; это меньшинство, говорим мы, повинуюсь необходимости и условиям своего привилегированного положения, и подвергаясь общей участи всех правительств, постепенно будет становиться все более и более деспотичным, зловредным и реакционным. Международное Общество Рабочих только тогда может стать орудием освобождения человечества, когда оно прежде само освободится; а освободится оно только переставши делиться на две группы: большинство

слепых орудий и меньшинство ученых машинистов, и только, когда каждый его член вполне постигнет науку, философию и политику социализма.